

Анна Ципенюк-Муза

**«РУССКИЙ ЯЗЫК» ТУРГЕНЕВА
В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВ НЕРУССКИХ**

Настоящая статья посвящена переводам стихотворения в прозе Тургенева «Русский язык» на европейские языки в конце 19-го века. Переводы «Русского языка» интересны как опыты обращения с текстом идиоматическим не столько в своей словесной форме, сколько в своем предмете, не в означающем, но в означаемом. Лингвистически сложный текст Тургенева непереводим потому, что его предмет и есть его собственный язык. Риторические средства, выбранные переводчиками для того, чтобы на родном языке воспеть чужой, по сути своей парадоксальны и освещают, вольно или невольно, некоторые особенности их собственной словесной и национальной идиомы. В статье рассматривается устойчивая ассоциация стихотворения Тургенева в немецкой и англоязычной традиции с псалмической поэзией и использование библейских ссылок и аллюзий для передачи высокой и вместе с тем страдательной тональности оригинала. Такое восприятие «Русского языка», не свойственное русскому культурному и критическому канону, приоткрывает некоторые аспекты сочинения Тургенева, менее очевидные его соотечественникам. Наконец, для переводчиков русской литературы, таких как Вильгельм Генкель в Германии или Констанция Гарнетт в Великобритании, «Русский язык» оказывается своего рода манифестом или *credo*, выражающим их собственный, профессиональный и человеческий, отклик на сомнения Тургенева.

«Русский язык», одно из последних сочинений Тургенева, известен лучше большинства других текстов из позднего причудливого цикла «*Senilia*. Стихотворения в прозе»:

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! (1882)¹

¹ Благодарю Геннадия Барабтарло и Иоахима Клейна за важные консультации и советы при подготовке этой статьи. Все сведения об истории «Стихотворений в прозе», кроме оговоренных отдельно, заимствованы мной из подробнейших комментариев М. П. Алексеева и Н. В. Алексеевой к 10 тому Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30 томах, в дальнейшем [Алексеев 1982].

Инициатор прижизненной публикации цикла в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевич назвал стихотворение золотыми строками, в которых Тургенев отозвался о русском языке как «мог бы Паганини отозваться о своей скрипке» [Алексеев 1982: 516]. Спустя сто лет в романе Аксенова «Остров Крым» (1979) потомки русских дворян, выросшие за границами большевистской России, щеголяют своим знанием ВМПСа (великого, могучего и т. д.) – аббревиатура, удачно ассоциированная с целым рядом советских могучих, если не великих, организаций. Усвоенный советским учебно-патриотическим каноном, «Русский язык», судя по встреченным мной примерам, остается обязательной частью разного рода хрестоматий и учебников, аксиоматической предпосылкой дискуссий о современном состоянии словесности и, по словам лингвиста Ирины Левонтиной, дежурной цитатой [Левонтина 2007]. Патетическая миниатюра, состоящая из двух восклицаний и одного вопроса, традиционно рассматривается в рамках панегирических высказываний о русском слове и духе, от Ломоносова и Гоголя до Ахматовой [Недзвецкий 2009: 11, Данцев 2002: 3–4].

Благодаря исключительной европейской репутации Тургенева, экскентрические «Стихотворения в прозе» вышли в свет в нескольких переводах сразу же вслед за их появлением в России. Написанный во Франции, «Русский язык» не был включен в публикацию 1882 года в *“Revue politique et littéraire”*, тексты для которой выбирал сам Тургенев и переводила Полина Виардо, скорее всего, при участии автора [Томашевский 1931: 156–159; Алексеев 1982: 454]. Может быть, Тургенев считал неуместным прославлять родную речь, пользуясь гостеприимством нации, более чем равнодушной к собственному языковому величию; может быть, само существование этого текста на другом языке показалось ему нелепым. Насколько я могу судить, «Русский язык» был напечатан во Франции только в 1931 году, в первом полном издании всего цикла. Но в 1880–90-е годы появилось несколько немецких и английских переводов «Стихотворений в прозе» и в частности «Русского языка». Эти переводы, о которых речь пойдет ниже, интересны не решениями тех или иных языковых трудностей или непереводаемостей, которых лингвистически простой текст Тургенева в сущности лишен. Переложения «Русского языка» интересны как опыты обращения с текстом, идиоматическим не столько в своей словесной форме, сколько в своем предмете, не в означающем, но в означаемом: иначе говоря, с текстом непереводаемым потому, что его предмет и есть его собственный язык. Риторические средства, выбранные переводчиками для того, чтобы на родном языке воспеть чужой, по сути своей парадоксальны и освещают, вольно или невольно, некоторые свойства национальной идиомы. К тому же иноязычные версии

«Русского языка» приоткрывают и некоторые свойства оригинала, менее очевидные в его обычном контексте.

Еще при жизни Тургенева в Лейпциге вышел немецкий перевод, сделанный Вильгельмом Генкелем (Wilhelm Henckel), о котором сохранился отзыв автора: «Перевод довольно верный, но, конечно, не без неизбежных промахов» [Алексеев 1982: 469]. «Русский язык» в трактовке Генкеля выглядел так:

In den Tagen des Zweifels, in den Tagen quälenden Sinnens über das Schicksal meiner Heimat – bist du allein meine Stütze und mein Stab, o große, mächtige, wahrhaftige und freie russische Sprache! Wenn du nicht wärst, – wie sollte man nicht verzweifeln beim Anblicke dessen, was in der Heimat geschieht. -- Aber es ist undenkbar, daß eine solche Sprache nicht einem großen Volke gegeben sein sollte! [Henckel 1883: 106].

Перевод Генкеля исполнен словесного сочувствия к автору. Дважды использованное Heimat (и для «родины» и для «дома») направляет русские «тягостные раздумья» в русло сугубо немецкого переживания и представления о родном. (Можно здесь же отметить, для сравнения, что из современных переводчиков на английский язык двое предпочли нейтральное *my country* и один, более поэтическое *my native land*.) Кроме того, Генкель, издатель и переводчик, проводивший значительную часть жизни в Петербурге и звавшийся также Василием Егоровичем, возможно, сам испытывал неуверенность в определении своего Heimat, двоящегося, как и в его переводе, между Россией и Германией.

Вероятно вследствие своей идентификации с автором, немецкий переводчик включил в текст Тургенева аллюзию, близкую ему самому. Формула «*meine Stütze und mein Stab*», заместившая «поддержку и опору», представляет собой ссылку на 23 Псалом, один из самых известных и в католическом, и особенно в протестантском и англиканском церковном обиходе и богослужении. В Библии Лютера 23:4:

Und ob ich schon wandert im finstern Tal, fürchte ich kein Unglück;
denn du bist bei mir, *dein Stecken und Stab* trösten mich.

В православной (греческой) нумерации это Псалом 22, составляющий часть Последования ко Святому Причащению:

Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, жезлъ Твой и палица Твоя, та мя утѣшиста.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Формулу «*Dein Stab und Deine Stütze*» можно найти в переводе 23 Псалма Моисеем Мендельсоном (Moses Mendelssohn, 1783), в котором «жезл и палица» наделены не только аллитерацией, но и парал-

лелизмом, подчеркнутым, как и в русском переводе, удвоенным притяжательным местоимением:

Und wall' ich auch im Todesschattens Tale,
So wall' ich ohne Furcht,
Denn Du beschüttest mich,
Dein Stab und Deine Stütze
Sind mir immerdar mein Trost.

Перевод Мендельсона был положен на музыку Шубертом в 1820 году и часто исполнялся в немецких и австрийских храмах. Генкель таким образом соотнес текст Тургенева, его повторы, параллелизмы и аллитерации с псалмической традицией и нашел поддержку и опору для своего перевода в немецкой религиозной, молитвенной выразительности.

Ветхозаветная аллюзия появилась и в безымянном переводе цикла на английский язык, вышедшем в Бостоне в 1883 году:

In these days of doubt, in these days of painful brooding over the fate of my country, you alone are *my rod and my staff*, O great, mighty, true and free Russian language! If it were not for you, how could one keep from despairing at the sight of what is going on at home? But it is unconceivable that such a language should not belong to a great people [Tourguéneff 1883: 120].

В Библии короля Иакова, Псалом 23:4:

Yea, though I walk through the valley of the shadow of death, I will fear no evil: for thou art with me; *thy rod and thy staff* they comfort me.

Рецензия (также анонимная) на бостонское издание была опубликована в одном из главных американских журналов, "The Nation". По словам ее автора, знакомого с некоторыми «внутренними обстоятельствами», бостонский перевод был сделан не с оригинала, а с немецкого языка. Ссылаясь на русский подлинник, критик «Nation» упрекал немецкого переводчика в постоянном стилистическом «преувеличении» («constant exaggeration») и желании писать «изящно», в результате которого такие фразы, как «свет рассеет тьму» («Два четверостишия»), превратились в приход Аполлона – победителя ночи ("Apollo rises – conqueror of night") [The Nation 1884: 79]. Аполлона действительно можно найти у Генкеля, которому бостонское издание обязано, вероятно, и библейской цитатой. Следует в таком случае отметить корректность американского переводчика, узнавшего псалмическое происхождение «Stütze und Stab» и вписавшего в переведенный с немецкого «Русский язык» английский отпечаток древнееврейского поэтического образа.

«Русский язык» в переводе Генкеля тронул Генри Джеймса, горячего почитателя и доброго знакомого Тургенева, написавшего в 1884 году эссе его памяти и сославшегося на изданное по-немецки собрание его последних, полных «глубокого интереса» вещей. За это время в Германии вышло несколько изданий «Стихотворений в прозе» в разных переводах, однако по-видимому “the little book”, озаглавленная “Senilia”, которую Джеймс держал в руках, была именно томиком Генкеля, величиною с ладонь.² Перевод «Русского языка», сделанный Джеймсом для своей статьи, указывает на генкелевский посох:

In days of doubt, in days of anxious thought on the destiny of my native land, thou alone art my support and my staff, O great powerful Russian tongue, truthful and free! If it were not for thee how should man not despair at the sight of what is going on at home? But it is inconceivable that such a language has not been given to a great people. [James 1984: 1020].

Сохранив дословный перевод “Stütze und Stab”, “support and staff”, Джеймс не только узнал, но еще усилил библейский подтекст и сакраментальный дух немецкого «Русского языка» за счет архаического *thou*, этого отличительного Второго лица англоязычной Библии, никак не подсказанного немецким прототипом. Кроме того, несмотря на отсутствие подобного выбора в немецком, Джеймс использовал не только романское *language*, но и более древнее и родное *tongue*, также наделенное библейскими коннотациями. В английской Библии апостолы в Пятидесятницу видят *cloven tongues like as of fire* и начинают говорить *with other tongues as the Spirit gave them utterance* (Acts 2:2–4). *Tongue* как дар, gift, something given, согласовался с темой языка “given to a great people».

В переложении Джеймса «Русский язык» стал ламентацией поэта на тему Божественной поддержки в несчастье и страдании, во дни того, что церковнославянская Псалтирь называет «изступлением», смятением, а Тургенев «сомнением». Эта тема, одна из основных в ветхозаветных стихотворениях, явлена, например, среди множества других, в 31 Псалме, близком лексике и интонации Джеймса:

1 In thee, O Lord, do I put my trust; let me never be ashamed: deliver me in thy righteousness.

2 Bow down thine ear to me; deliver me speedily: be thou my strong rock, for an house of defence to save me.

² Посмертное эссе «Ivan Turgenev» было одним из нескольких, написанных Джеймсом о Тургеневе: о различных критических отзывах Джеймса см. Richards 2000.

3 For thou art my rock and my fortress; therefore for thy name's sake lead me, and guide me.

4 Pull me out of the net that they have laid privily for me: for thou art my strength.

5 Into thine hand I commit my spirit: thou hast redeemed me, O Lord God of truth.

Церковнославянский текст (30) Псалма не содержит, конечно, таких явных словесных оснований для сочинения Тургенева, хотя и позволяет увидеть в этом последнем схожее устремление:

1 Въ конѣцъ, псаломъ Давиду, изступленія.

2 На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ: правдою твоєю избави мя и изми мя.

3 Приклоні ко мнѣ ухо твоѣ, ускорі изъяти мя: буди ми въ Бога защитителя и въ домъ прибежища, еже спасти мя.

4 Яко держава моя и прибежище мое еси ты: и имени твоего ради наставиши мя и препитаеши мя.

5 Изведеши мя отъ сѣти сея, юже скрѣша ми: яко ты еси защититель мой, Господи

6 Въ рѣцѣ твой предложу духъ мой: избави мя еси, Господи Боже истины.

Для Генкеля и его англоязычных последователей тема великого, могучего, правдивого в языке оказалась внутренне связана с языком Библии. Вместо скрипки Паганини они расслышали в звуках Тургенева арфу царя Давида. Прочитанный как подражание псалмической поэзии, «Русский язык» исполнился конфессионального, но и радикального, если не кощунственного духа как текст то ли обожествляющий родной язык, то ли профанирующий веру. Можно заметить, что в публикации 1882 года завершающему ее «Русскому языку» предшествовало стихотворение «Молитва», посвященное размышлениям о природе человеческого обращения к Богу. «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: "Великий Боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!" Идя следом за «Молитвой» и как бы иллюстрируя ее, «Русский язык» предлагает своего рода альтернативу религиозному верованию, хотя надежда на чудо остается его составной частью. В ранней статье о «Стихотворениях в прозе» Леонид Гроссман отнес «Молитву» к текстам о безверии автора, а «Русский язык» — к текстам на тему России [Гроссман 1928]. В это же время, находясь, как и Тургенев, в Париже, хотя при куда более катастрофических обстоятельствах, Бальмонт в статье «Русский язык» назвал сочинение своего предшественника «благодарной молитвой» [Алексеев 1982: 517]. Однако

«Русский язык» соединяет веру и неверие, одновременно использует и остраняет молитву и молву.

Вопрос о вере образует, как мне представляется, внутреннюю тему перевода Констанции Гарнетт (Constance Garnett), выдающейся британской переводчицы русского литературного канона XIX века. «Русский язык», на сей раз несомненно переведенный с оригинала, вошел в ее публикацию «Стихотворений в прозе» в 1897 году:

In days of doubt, in days of dreary musings on my country's fate, thou alone art my stay and support, mighty, true, free Russian speech! But for thee, how not fall into despair, seeing all that is done at home? But who can think that such a tongue is not the gift of a great people! (Garnett 1897: 324)

Несмотря на минимальный объем, текст Гарнетт чрезвычайно разнороден, несомненные 'библейзмы' (thou alone art my stay and support) сочетаются в нем с весьма прозаическим But who can think. Сама архаическая форма второго лица у Гарнетт отсылает не только к собственно библейской, но и к поэтической традиции и ее условностям, таким как использование *thou* в самых разных стихотворных жанрах. Эту традицию воплощают dreary musings on my country's fate, напоминающие всех англоязычных романтических поэтов, и musings Байрона в Греции, и Religious Musings Кольриджа, и Once upon a midnight dreary Эдгара По, который, кстати говоря, обращается к Ворону посредством торжественного *thou*. В своем гимне русскому языку Гарнетт вообще отказалась от *language* и прибегла к германским *speech* и *tongue*, как будто пользуясь случаем напомнить завет доктора Джонсона о сохранении Teutonic character английского языка в противовес Gallick phraseology. Существительное *gift*, заменившее причастие в заключительной фразе, более явно, чем у Генри Джеймса, связало родную речь с библейской. «Русский язык» Гарнетт воспел две основы английской словесности, Библию короля Иакова и (тесно с нею связанную) поэтическую речь.

Однако в переводе заключительной, кульминационной фразы Гарнетт высказала, скорее, собственное отношение к вопросу о величии русского народа. Странное тургеневское «нельзя верить, чтобы не был» бросается в глаза своей неуклюжей, неестественной конструкцией, как бы «умышленным косноязычием», которое некоторые филологи связывают с выражением того непреодоленного сомнения, которым стихотворение начинается [Недзвецкий 2009: 11; Левонтина 2007]. В более широком контексте «Нельзя верить» звучит как реплика, обращенная к афоризму в стихах Тютчева, начинающемуся «Умом не понять» и заканчивающемуся «Можно только верить» (1866). Сослагательное наклонение «нельзя верить, чтобы не был дан великому» кажется галлицизмом, и в обоих

известных мне (поздних) французских переводах «Impossible de croire» обуславливает ту или иную форму Subjonctif: Il est impossible de croire qu'une langue pareille ne soit pas l'apanage d'un grand peuple! [Salomon 1946: 207] и Mais il n'est pas possible de croire qu'une telle langue n'ait pas été donnée à un grand peuple! (Hoffman 1959: 311). Однако Генкель перевел последнее предложение, заменив веру разумом или мыслью, *undenkbar*, и вслед за ним его английские переводчики прибегли к *inconceivable* в сочетании с сослагательной (*should belong*) или изъявительной (*has not been given*) формой глагола, как у Джеймса, где Present Perfect указывает не столько на желание автора, сколько на существующую вне говорящего связь времен. Гарнетт, несмотря на знакомство с русским оригиналом, пошла дальше всех по этому пути, заменив «верить» на «думать», и сослагательное наклонение на глагол «быть» в настоящем времени, *is (not) the gift*. Вероятно, и Генкель и Гарнетт поняли «верить» в том повседневном значении «думать, полагать», которым обладают *glauben* и *believe*, и которое не характерно для русского глагола. Недвусмысленное переложение веры в мысль и неуверенности в реальность сделало текст Гарнетт чем-то вроде ее собственного манифеста. В 1897 году Гарнетт, чьи первые переводы с русского были опубликованы в 1891-ом, находилась еще в первом десятилетии своей деятельности. Эта деятельность продлилась до 1930-х годов и привела к появлению семидесяти одного тома. Может быть, поэтому Гарнетт звучит гораздо более решительно, чем Тургенев, выражая свою уверенность в языке и народе, которым она посвятит свою жизнь.

Трудно удержаться от пост-скриптума, предмет которого выходит за хронологические рамки этой статьи. Когда в 1943 году американец Бернард Гилберт Герни (Bernard Guilbert Guerney), чей перевод «Мертвых душ» удовлетворил даже Набокова, опубликовал «Сокровищницу русской литературы», он предпослал своей антологии в качестве эпиграфа «Русский язык», напечатанный в виде опрокинутой пирамиды, то есть, пиктограммы человеческого языка. Несмотря на этот изобразительный авангардизм и на другие причуды своей интерпретации, Герни использовал в своем переводе и *thou*, и *my stay and my staff*, сохранив тем самым верность интуиции своих англоязычных предшественников.

Литература

- Алексеев 1982 – Алексеев М. П., Алексеева Н. В. Комментарии к «Стихотворениям в прозе» // И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах, Сочинения, том десятый. М., 1982, 442–529.
 Гроссман 1928 -- Гроссман, Леонид. Последняя поэма Тургенева. «Senilia» [1918]. Собрание сочинений в 5 томах, том 3. М., 1928, 74–120.

- Данцев 2002 – Данцев А. А., Нефедова Н. В. Русский язык и культура речи для технических вузов. Рекомендовано Академией гуманитарных наук РФ для технических направлений и специальностей вузов. Ростов-на-Дону, 2002.
- Левонтина 2007 – Левонтина Ирина. Не русский не язык. Об одной дежурной цитате. «Стенгазета» 16 мая 2007. <http://www.stengazeta.net/article.html?article=3288>
- Недзвецкий 2009 – Недзвецкий В. А. Стихотворение Тургенева «Русский язык» и нынешняя лингвокультурная ситуация в России // Е. Г. Петраш (сост. и науч. ред.) Тургеневские чтения 4. М., 2009, 9–26.
- Томашевский 1931 – Томашевский Б. В. К истории «Стихотворений в прозе» // И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе. М.-Л., 1931, 131–166.
- Garnett 1897 – The Novels of Ivan Turgenev. Volume X. Dream Tales and Prose Poems. Translated from the Russian by Constance Garnett. London: William Heinemann, 1897.
- Henckel 1883 -- *Iwan Turgenjew*. Senilia. Dichtungen in Prosa. Nach dem russischen Original überzetzt von Wilhelm Henckel, Leipzig: Verlag von Franz Duncker, 1883.
- Hoffman 1959 -- *Ivan Tourgueniev*. Premier amour. Nouvelles et poèmes en prose. Traduction de R. Hoffmann [1946]. Préface d André Maurois. Paris: Librairie generale française, 1959.
- James 1984: *Henry James*. Literary Criticism. French Writers; Other European Writers; The Prefaces to the New York Edition. Ed. Leon Edel and Mark Wilson. New York: The Library of America, 1984.
- The Nation* 1884 – Anonymous. Poems in Prose. By Ivan Tourguéneff. Boston: Cupples, Upham & Co // *The Nation* v.38–39 Jan. 24 1884, 79.
- Richards 2000 – Richards, Christine. Occasional Criticism: Henry James on Ivan Turgenev // *The Slavonic and East European Review*, vol. 78, no. 3, 2000, 463–486.
- Salomon 1946 -- Стихотворения в прозе. Poèmes en prose. Texte russe publié intégralement d'après le manuscrit original, par André Mazon. Traduction française et notes de Charles Salomon, Paris: Librairie H. Didier, 1946.
- Tourguéneff 1883 -- Poems in Prose, by Ivan Tourguéneff. Boston: Cupples, Upham & Co., 1883.

SUMMARY

The paper considers several renditions of Turgenev's miniature poem in prose "The Russian Tongue" (1882) by contemporary German, American, and English translators and authors. In terms of verbal and cultural transposition, Turgenev's canonical work is remarkable not owing to its form but rather to its content, not the signifier but the signified. Turgenev's linguistically simple text is untranslatable because its subject is its own language. The rhetorical means chosen by the translators from their native idiom in order to sing praise to a foreign tongue are inherently paradoxical, as well as indicative of certain principal aspects of a national verbal custom and sensibility. In particular, both in the German and English languages, Turgenev's poem is consistently associated with the Biblical diction and poetic lament of the Psalms. Such perception of "The Russian Tongue," largely unknown to the Russian tradition, reveals some facets of Turgenev's poem less obvious in its native environment. For translators of Russian literature, such as Wilhelm Henckel in Germany and Constance Garnett in Great Britain, "The Russian Tongue" also becomes a manifesto or credo expressing their responses to Turgenev's doubts concerning his native land and its language.